

Цветаев Дмитрий Владимирович

Петр Великий во Франции

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Владимирович Ц.**
Петр Великий во Франции / Цветаев Дмитрий Владимирович – М.: Книга по Требованию,
2026. – 42 с.

ISBN 978-5-521-29465-7

ISBN 978-5-521-29465-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

воеваній, зная, что онъ можетъ требовать гарантіи своимъ завоеваніямъ лишь послѣ ихъ уступки ему; 2) французскій король не будетъ давать никакой субсидіи шведскому королю въ продолженіи его войны съ царемъ; 3) король употребитъ все свое содѣйствіе для заключенія мира на сѣверѣ, безъ всякаго пристрастія къ королю шведскому, и 4) имъ будетъ выдаваема царю ежемѣсячная субсидія въ 25.000 экю, впредь до окончанія Сѣверной войны.

Петръ любилъ въ важнѣйшихъ вопросахъ по возможности все провѣрять и во всемъ убѣждаться непосредственно. Второе заграничное путешествіе предпринято было имъ съ цѣлю ближе ознакомиться съ положеніемъ европейской политики и найти себѣ новыхъ союзниковъ. Поощряемый обнаруженною предъ тѣмъ инициативой со стороны французскаго двора и получивъ отъ Зотова, своего агента въ Парижѣ, извѣстіе о благожелательной рѣчи регента въ пользу царской семьи и не видя желательныхъ успѣховъ въ переговорахъ съ Шатонефомъ, Петръ рѣшился самъ отправиться въ Парижъ, чтобы въ непосредственномъ сношеніи съ правительствомъ попытаться заключить, насколько окажется возможнымъ, наиболѣе серьезный политическій договоръ и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ воспользоваться своимъ пребываніемъ для усиленія культурнаго общенія Франціи съ Россіей. Черезъ Куракина онъ сообщилъ Шатонефу о своемъ намѣреніи посѣтить Парижъ съ тѣмъ, чтобы во время его путешествія, которое онъ совершитъ инкогнито, постоянно имѣлся караулъ отъ 12 до 15 дворянъ и отъ 20 до 30 человѣкъ въ каждомъ городѣ, гдѣ онъ будетъ ночевать, и чтобы для него и свиты были экипажи и перемѣнные лошади. Посолъ обѣщалъ, что желанія царя относительно требуемыхъ удобствъ въ путешествіи будутъ выполнены.

О цѣли своей поѣздки во Францію Петръ не объявилъ ничего. Французское и прусское правительства предполагали, что она связана съ его желаніями достигнуть соглашенія на предложенныхъ въ Гагѣ условіяхъ, и Кнппгаузенъ послѣдовалъ за царемъ.

II.

Изъ Австрійскихъ Нидерландовъ государь вступалъ во Французскіе предѣлы съ моря. Его сопровождали два брюссельскихъ савоиника, князь де-Ла-Туръ, голштинскій герцогъ и нѣсколько другихъ чужихъ лицъ. Свиты со слугами было около 60 человѣкъ.

Кромѣ посольскаго священника, ее составляли ¹ князь Куракинъ, вице-канцлеръ баронъ Шафировъ, князь Долгоруковъ, Бутурлинъ, Толстой, Ягужинскій, Нарышкинъ, докторъ Арескинъ, кабинетъ-секретарь Макаровъ, секретарь Волковъ, гофмаршалъ Алсуфьевъ, Салтыковъ, совѣтникъ канцеляріи Остерманъ, Рагузинскіе, Лефорть, затѣмъ Татищевъ, Черкасовъ и др., кончая семью пѣвчими и восемью слугами. Это только тѣ, которые должны были дѣлать вмѣстѣ съ государемъ на содержаніи Французовъ; во время остановки въ Кале насчитывалось до 80 человекъ свиты, не пользующихся содержаніемъ. Непосредственныя сношенія съ Французами по дѣламъ путешествія были на обязанности Куракина.

Встрѣтить гостей на границѣ и сопровождать ихъ до Парижа французское правительство командировало камеръ-юнкера де-Либуа. Согласно съ инструкціей, онъ долженъ былъ при первомъ же привѣтствіи ихъ увѣрить государя въ полномъ уваженіи къ нему короля, вызываемомъ его высокими качествами, и въ томъ, что „король желалъ бы оказать ему въ своемъ королевствѣ почести, принадлежащія его сану, но что, узнавъ отъ своего посланника въ Голландіи объ его желаніи избѣжать затрудненій и стѣсненій, всегда соединенныхъ съ церемоніаломъ, его величество предпочелъ удовлетвореніе желаній этого государя удовлетворенію его собственныхъ и, возложивъ на де-Либуа честь отправиться къ особѣ монарха, предписалъ ему въ точности слѣдовать его желаніямъ по этому предмету и сообразоваться съ его намѣреніями“. Чтобы въ умѣ царя не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что почести отмѣнены единственно въ исполненіе его желанія, и что отъ него самого вполне зависитъ получать ихъ, объ этомъ де-Либуа долженъ былъ постоянно заботиться съ особеннымъ вниманіемъ. На обязанности камеръ-юнкера было наблюдать за отдачей почета, совмѣстнаго съ инкогнито, какое хотѣлъ сохранить государь, и принимать мѣры о предоставленіи гостямъ удобствъ; онъ долженъ былъ во-время предупреждать лицъ начальствующихъ и уполномоченныхъ по приему въ городахъ, чрезъ которые лежалъ путь государя, чтобы у нихъ все было готово къ встрѣчѣ и приему; заботиться объ экипажахъ,

¹ Приводимъ въ порядкѣ, какъ они означены въ спискѣ, поданномъ въ Кале французскому повѣренному де-Либуа княземъ Куракинымъ; на первомъ мѣстѣ помѣщенъ Le grand-prêtre, за нимъ остальные (*Сборникъ*, XXXIV, № 47).

лошадяхъ и лодкахъ для государя и свиты, о столѣ и прочемъ. Ему вмѣнялось, въ видахъ лучшаго успѣха его миссіи, разузнать о привычкахъ государя и сообразоваться съ ними въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ, вывѣдать, не предпочтетъ ли государь, въ отстраненіе какихъ либо недоразумѣній, полученіе ежедневной суммы, примѣрно 1.500—2.000 ливровъ въ день, вмѣсто содержанія, назначаемаго ему. Властямъ мѣсть, чрезъ которыя поѣдетъ государь, королевскимъ указомъ повелѣвалось оказывать государю почести, насколько онъ пожелаетъ ихъ принять, исполнять его волю и вѣрить тому, что отъ королевскаго имени сообщить имъ де-Либуа относительно этого; военнымъ чинамъ вмѣнялось, чтобы они содѣйствовали исполненію приказа.

Выѣхавъ впередъ, чтобы разузнать о чествованіяхъ, отдаваемыхъ Петру въ Нидерландахъ, и повидавшись съ Куракинымъ для полученія отъ него свѣдѣній и указаній касательно церемоніала и требованій, де-Либуа встрѣтилъ 10 (21 апрѣля) государя на самой границѣ, въ Сюдко. Петръ принялъ его у себя въ лодкѣ. На привѣтствіе камеръ-юнкера отъ имени короля и регента онъ отвѣтилъ признаніемъ королю за увѣреніе въ дружбѣ и высказался о славѣ и мудрости регента. Переводилъ князь Куракинъ, представлявшій де-Либуа государю.¹ Съ голландской лодки Петръ пересѣлъ въ простую городскую лодку, отказавшись отъ предложенной ему кареты, и къ вечеру приплылъ въ Дюнкирхенъ. По пути камеръ-юнкеръ замѣтилъ, что „несмотря на инкогнито, къ нему не обращаются иначе, какъ называя его величествомъ“. За ужиномъ де-Либуа пилъ за здоровье государя; царь пилъ за здоровье короля, потомъ за здоровье регента; де-Либуа поднималъ тостъ за здоровье царицы.

Въ тотъ же вечеръ у камеръ-юнкера начались затрудненія. Во время ужина пришли сопровождавшіе государя голштинскій герцогъ и князь де-Ла-Туръ, о присутствіи которыхъ онъ не зналъ ранѣе; царская свита оказывалась болѣе многочисленной, чѣмъ предполагалось. Дневной расходъ превзошелъ предположен-

¹ На этомъ основаніи де-Либуа и другіа должностныя лица, встрѣчавшія Петра, предполагали, что онъ не понимаетъ и не говоритъ по-французски (*Сборникъ* XXXIV, 147, 188). Сень-Симонъ, напротивъ, замѣчаетъ: «Царь понимаетъ хорошо по-французски, и, я думаю, могъ бы говорить на этомъ языкѣ, еслибы захотѣлъ, но для большей важности онъ имѣлъ переводчика; по-латыни же и на другихъ языкахъ онъ говоритъ очень хорошо» (*Ж. М. Н. Просв.*, LXXXIX, 9—10).

ную смѣту; приготовленныхъ экипажей было мало, каретъ различныхъ всего двѣ, четырехмѣстныхъ, и де-Либуа догадывался, что человѣкъ съ 17 сочтутъ себя обиженными, если имъ предложить плохія коляски. Съ затрудненіями этого рода ему потомъ пришлось хлопотать на всемъ дальнѣйшемъ пути. Онъ понималъ, что едва ли возможно завести ему рѣчь и о производствѣ содержанія деньгами.

Съ шести часовъ утра Петръ осматривалъ уже старый портъ, бассейнъ и магазинныя строенія. Слѣдующимъ утромъ онъ отправился осматривать Рисбау и форты на Дюнкирхенской банкѣ. Дюнкирхенская крѣпость лежала въ развалинахъ послѣ несчастнаго для Франціи 1713 года, и Петръ съ грустью отписалъ Екатеринѣ, оставшейся въ Голландіи: „Зѣло жалко смотрѣть на руину сей фортеціи, а напаче гавани“. Но о своей опасности, которой подвергся было во время осмотра руины, онъ не уведомлялъ супругу. Дюнкирхенскую банку онъ думалъ объѣхать въ каретѣ, пользуясь отливомъ; вдругъ поднялся сильный вѣтеръ, приливъ начался съ необыкновенной быстротой, и вода залила дорогу. Знакомый съ моремъ, Петръ быстро отпрягъ одну лошадь и успѣлъ ускорить на ней.

Парижскую карету, испорченную приливомъ, де-Либуа надѣялся кое-какъ починить, и досталъ третью карету. Куракинъ предупредилъ его, что онъ рассчитываетъ каретъ на 5—6, и что коляски крайне неудобны. Герцогъ голштинскій и князь де-Латуръ тоже рассчитывали помѣститься въ царскихъ каретахъ. Не менѣе этого озабочивалъ бѣднаго камеръ-юнкера царскій поваръ, который, готовя царю кушанье, забиралъ говядины и вина человѣкъ на восемь. Увидѣвъ, что царь не присутствовалъ на ужинахъ, экономный Либуа хотѣлъ совсѣмъ отмѣнить ихъ и постѣснился выполнить свое намѣреніе только потому, что ужинали многіе сановники и что это „не соотвѣтствовало бы достоинству короля“.

Пожаловаться на царскаго повара и объяснить свои затрудненія насчетъ экипажей камеръ-юнкеръ собирался было Куракину, который однако снова напомнилъ ему, чтобъ онъ нашелъ кареты поприличію. потребовалъ отъ него письменнаго изложенія общаній относительно почестей государю и подалъ ему списокъ свиты, пока неполный. Когда зашла рѣчь о помѣщеніи въ Парижѣ, и де-Либуа назвалъ домъ, въ которомъ помѣщался курфюрстъ кельнскій, то Куракинъ принялъ это предложеніе

холодно. Царь отказывался отъ всякихъ дворцовъ и высказалъ желаніе, чтобъ ему былъ отведенъ частный домъ и чтобы свиту расквартировали поближе къ нему. Разсматривая планъ Парижа, Петръ попросилъ камеръ-юнкера указать ему древній Лувръ и отель герцога де-Вильруа. Въ Парижѣ уже думали, гдѣ помѣстить Петра; на случай его отказа жить во дворцѣ останавливались тамъ именно на этомъ отелѣ. Отель Ледигьеръ, принадлежавшій маршалу Вильруа, воспитателю Людовика XV, находился рядомъ съ арсеналомъ, отличался помѣстительностью и красотой и стоялъ пустымъ, потому что маршалъ, живя въ Тюльери, находилъ его слишкомъ удаленнымъ оттуда. Наканунѣ разговора Либуа съ государемъ и Куракинымъ о парижскомъ помѣщеніи, въ Дюнкирхенъ прибыло одно лицо, которому регентъ указывалъ на этотъ отель, и Куракинъ далъ понять теперь камеръ-юнкеру, что государь предпочтетъ домъ Вильруа всѣмъ остальнымъ. Царь просилъ еще, чтобы къ нему приставили морского офицера, который умѣлъ бы говорить по-голландски и могъ бы въ Парижѣ быть у него переводчикомъ и спутникомъ.

Какъ Либуа ни старался слѣдить за Петромъ и его спутниками, онъ не могъ узнать „дѣйствительной причины путешествія царя, кромѣ простаго любопытства и нѣкоторой врожденной любознательности“; усматривалъ „какія-то неясныя намѣренія установить торговлю“, но сомнѣвался, чтобъ и „это составляло главную цѣль“.

Въ область своихъ намѣреній и плановъ и во внутренній міръ своего русскаго кружка Петръ не любилъ безъ надобности пускать назойливаго посторонняго глаза. Камеръ-юнкеру легче давалось подмѣчать наружный портретъ царя. „Царь—писалъ Либуа регенту,—очень великъ ростомъ, нѣсколько сутуловатъ и имѣетъ привычку держать голову немного внизъ. Онъ смуглъ, и въ выраженіи лица его есть что-то суровое; кажется, онъ обладаетъ живымъ умомъ и большою смѣтливостью; въ движеніяхъ его замѣтно нѣкоторое велпчіе, впрочемъ, не всегда выдерживаемое. Онъ задумчивъ и разсѣянъ, хотя для всѣхъ доступенъ и простъ въ обращеніи; говорятъ, что онъ очень силенъ и способенъ къ работѣ физической и умственной“.

Спѣша о всемъ уведомить регента, Либуа просилъ новыхъ указаній и полномочій, вызывался понастойчивѣе тайно разузнавать надобное отъ доктора-Нѣмца Арескина и касательно помѣщенія въ Парижѣ предупреждалъ, что если герцогъ предоставитъ

домъ на рѣку, то это „было бы наслажденіемъ для царя“. „Царь очень любить смотрѣть на воду“, добавлялъ онъ потомъ.

Регентство умѣряло пылъ камеръ-юнкера. Ему внушалось, чтобъ онъ избѣгалъ разговоровъ о расходахъ на угощеніе, прекратилъ попытки разузнавать о возможности замѣны содержанія опредѣленною денежною суммой, избѣгалъ обнаруживать любопытство о видахъ царя при настоящемъ его путешествіи и о продолжительности его пребыванія въ королевствѣ и т. п. „Ваша главнѣйшая цѣль—указывали ему—состоитъ въ томъ, чтобъ *удоволить царю* (plaire au czar) и содѣйствовать удобству знатныхъ лицъ его свиты“.

Подъ предлогомъ лѣченія морскимъ купаньемъ Петръ прожилъ въ Дюнкирхенѣ четыре дня, поджидая, когда соберется его свита, догонитъ Шафировъ, надобный ему по тревожнымъ вѣстямъ изъ Англіи, и подѣдутъ пѣвчіе къ предстоящимъ днямъ Страстной Недѣли и Пасхи, которые онъ намѣренъ былъ провести въ Кале. На пути изъ Дюнкирхена вышла небольшая задержка. Начальникъ гарнизона въ Гравлуи поставилъ гарнизонъ подъ ружье. Парадною церемоніей Петръ былъ крайне недоволенъ. Чтобы не придавали случаю большаго значенія, камеръ-юнкеру съ трудомъ удалось успокоить чрезъ Куракина, который выговаривалъ ему, что государя заставляютъ путешествовать не только въ плохихъ каретахъ, но и въ назначенное время и медленно. Либуа оправдывался, что число почетныхъ мѣстъ ему удалось увеличить, что изъ Парижа онъ ждетъ въ Булони еще два экипажа, и предложилъ было устроить для особы государя беззастановочный проѣздъ.

Въ Кале Куракинъ положительно заявилъ камеръ-юнкеру о непривычѣ государя путешествовать такъ, какъ ему предлагаютъ, что царь не намѣренъ продолжать путешествіе въ четырехмѣстной каретѣ и просить регента дать ему пять двуколесныхъ и двумѣстныхъ экипажей. Свита, которая должна быть помѣщена въ каретахъ и экипажахъ, опредѣлялась въ 61 человекъ, подраздѣленныхъ на два разряда, первый изъ 22, второй изъ 39 лицъ. Стѣсненный въ ресурсахъ, которыхъ легко могло не хватить до Парижа, камеръ-юнкеръ указывалъ на трудности найти одноволки и на опасеніе, что не хватитъ лошадей для нихъ. Куракинъ не уступалъ, и Либуа не на шутку опасался, что въ случаѣ отказа на удовлетвореніе требованій государь какъ бы не повернулъ изъ Франціи обратно, къ чему, какъ

казалось, до нѣкоторой степени побуждали сопровождавшіе его Брюссельцы; иногда жѣ, казалось ему, что въ государѣ „столько любознательности, что онъ готовъ, хотя и съ неудовольствіемъ, перенести всѣ отказы“. Столовое содержаніе готово было, какъ казалось ему, „обратиться въ недостойный грабежъ.“ „Случалось уже три раза,“ рапортовалъ онъ регенту, „что цѣлый столъ и притомъ первый, оставался пустымъ, такъ какъ царь обѣдалъ у себя, а всѣ вельможи ѣли украдкой припасы, взятые безъ всякой мѣры и приличія въ нашихъ буфетахъ.“ Очевидно, себя вели свободно и пѣвчіе. „Придворный священникъ, — добавлялъ Либуа, — обременяетъ насъ покупкою свѣчей, будто бы потребныхъ для церкви, а люди его торгуютъ ими въ городѣ.“ Царскій поваръ по прежнему не уменьшалъ мѣры, братой имъ на царскій обѣдъ.

Камеръ-юнкеръ рассчитывалъ, что общество свиты раздѣлится, отставшимъ и отдѣлившимся не надо будетъ производить содержанія, и это сократитъ его расходы, такъ что онъ, особенно, если еще будетъ предложено угощеніе нѣкоторыми городами, думалъ довести довольствіе до столицы. Не надѣясь, чтобъ одноколки и кареты успѣли прислать ему изъ Парржа, онъ кое-какъ досталъ ихъ на мѣстѣ, одноколки для государя купилъ, нѣкоторыя лица свиты сами купили ихъ себѣ. Оставался одинъ вопросъ — имѣть лошадей. Жалуясь на легкомысліе Шатонефа, общавшаго лошадей перемѣнныхъ, камеръ-юнкеръ просилъ регента разрѣшить ему воспользоваться лошадьми почтовыми или крестьянскими. Полученный отвѣтъ ставилъ его въ большое затрудненіе. „Хотя, писалъ онъ герцогу, — „съ одной стороны вы предписываете мнѣ всячески угождать его царскому величеству, но съ другой не даете мнѣ достаточныхъ къ тому средствъ, и мнѣ кажется, что вы считаете еще возможнымъ вести его почти такъ, какъ первоначально предполагали.“ Почтовыми лошадьми можно было воспользоваться только по нарочитому приказу, и Либуа нанялъ и взялъ лошадей крестьянскихъ. Крупный багажъ, большая часть прислуги и часть свиты были на колымагахъ, телѣгахъ и каретахъ отправлены впередъ; видя, что камеръ-юнкеру съ своими подручными нельзя раздѣлиться по многимъ мѣстамъ, Куракинъ предложилъ, чтобы на будущее время люди продовольствовались сами. Теперь Либуа надѣялся, что царю и приближеннымъ лицамъ его свиты будетъ, при поддержкѣ городовъ, доставлено все возможное.

Пока Куракинъ улаживалъ съ Либуа дѣло о дальнѣйшемъ пути, Петръ осматривалъ Кале. Крѣпостью, полевыми укрѣпленіями и Ліонскимъ полкомъ остался доволенъ, былъ веселъ и привѣтливъ на небольшой охотѣ, катался на небольшомъ парусномъ суднѣ. Осмотрамъ и развлеченіямъ помѣшало получение пакетовъ, вызывавшихъ совѣщанія, гдѣ первенствующую роль занималъ уже не Куракинъ, а подоспѣвшій Шафировъ. Пришло извѣстіе, что англійскій флотъ отплылъ; поспѣшили справиться въ Англіи чрезъ курьера; увеличили вниманіе къ бруссельскому посланнику, совѣтникъ докторъ Аренскій „не раставался съ шотландскимъ капудиномъ, прозваннымъ архангеломъ.“ Шли распоряженія Шереметеву, Апраксину и др., инструкція Румянцеву объ открытіи мѣста царевича Алексія и пр.

Петръ сдѣлался менѣе доступенъ. Къ нему никто не входилъ во время стола, за исключеніемъ прислуживавшихъ. Куракинъ объяснялъ камеръ-юнкеру, котораго дотолѣ иногда приглашали къ обѣду, что эта перемѣна по случаю Страстной недѣли. Государь говѣлъ, онъ и свита ѣли постное.

Сосредоточенный на Страстной Недѣлѣ, царь удивилъ Французовъ своимъ обхожденіемъ со свитой въ первый день Пасхи. Управляющій Амьенскимъ округомъ увѣдомлялъ регента, что государь въ этотъ день пробылъ въ своей походной церкви съ четырехъ часовъ утра до девяти и потомъ обѣдалъ. „Царь цѣловалъ всѣхъ своихъ вельможъ и слугъ, и кушалъ при публикѣ; но послѣ обѣда остался наединѣ съ своею свитой, и тутъ пили до вечера; многіе удалились мертвецки пьяными... Въ восемь часовъ вечера Его Величество вышелъ изъ дому инкогнито, для посѣщенія своихъ пѣвчихъ, квартирующихъ въ харчевнѣ. Попивъ съ ними съ полчаса, онъ возвратился къ себѣ спать“. Одѣваясь обыкновенно просто, въ коричневое платье, теперь по случаю праздника былъ одѣтъ богато, носилъ ленту ордена Андрея; на другой день былъ въ томъ же нарядѣ и прогуливался пѣшкомъ въ гавани. „Вообще видъ у него величавый, и съ тѣмъ, кто его знаетъ, онъ очень любезенъ“, заключалъ де-Бернажъ свое письмо.

Де-Либуа съ своей стороны успѣлъ за это время сдѣлать болѣе подробныя, чѣмъ прежде, наблюденія надъ Петромъ и его свитой, хотя внутреннія свойства и намѣренія Петра все еще слишкомъ мало могъ постигнуть суетливый камеръ-юнкеръ, такъ старавшійся показать предъ своимъ начальствомъ свою ра-

сторопность, проникаемость и находчивость. „Я—писалъ онъ регенту—продолжаю убѣждаться въ томъ, что писалъ о характерѣ царя, въ которомъ дѣйствительно встрѣчаются зародыши добродѣтелей, но они въ дикомъ состояніи и чрезвычайно перемѣшаны съ недостатками. По моему мнѣнію, ему всего болѣе недостаетъ послѣдовательности и постоянства въ намѣреніяхъ, и потому нельзя твердо полагаться на условія, которыя могутъ быть заключены съ нимъ... Мнѣ кажется не невозможнымъ, что царь пріѣхалъ или показываетъ видъ, что пріѣхалъ во Францію лишь для извлеченія выгоды: иначе я не усматриваю никакой основательной причины этого путешествія... Этотъ государь при всякомъ случаѣ мѣняетъ удовольствія и прогулки и необычайно подвиженъ, нетерпѣливъ и взыскателенъ... Монархъ этотъ охотно показывается на улицахъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы за нимъ не бѣгали; мнѣ кажется, что онъ не можетъ себѣ представить, какова въ Парижѣ толпа. Онъ часто соглашался принимать за столомъ... Онъ встаетъ очень рано, обѣдаетъ около десяти часовъ, пьетъ водку прежде чѣмъ сѣсть за столъ по утру, вино послѣ полудня, а пиво часто, и кромѣ того, которое подается, приказываетъ приносить себѣ его одному изъ своихъ людей. Ужинаетъ онъ довольно легко, когда хорошо пообедалъ; садится за столъ въ семь часовъ или нѣсколько позже, а иногда и вовсе не ужинаетъ, и ложится раньше девяти... Царю ежедневно готовится два или три кушанья его собственнымъ поваромъ.. Несмотря на то, этотъ государь ѣстъ всѣ наши кушанья и пьетъ наши вина, кромѣ шампанскаго; вельможи любятъ все, что хорошо, и знаютъ въ этомъ толкъ; намъ удалось приготовить черный хлѣбъ, который царь очень любитъ... Кромѣ нынѣшней Страстной недѣли, царю подавали скоромное кушанье, а постное по пятницамъ и по субботамъ. Царь любитъ пить нѣсколько холодное легкое вино и красное вино Нью, но не сладкое; по утру пьетъ анисовую водку, за обѣдомъ не употребляетъ ни сладкихъ напитковъ, ни сластей; онъ предпочитаетъ соусы съ пряностями, пеклеванный и даже черствый хлѣбъ и говорятъ, что онъ также любитъ горошекъ. Онъ ѣстъ много сладкихъ апельсиновъ, грушъ и яблокъ... Занимая обширныя квартиры, спитъ въ какой-нибудь маленькой и удаленной комнатѣ, когда таковая имѣется; онъ всегда желаетъ, чтобы любимецъ, придворный священникъ, гофмаршалъ, секретарь и докторъ находились бы въ томъ же домѣ. Эти господа довольствуются нѣсколь-

кими комнатамъ, и одной квартиры достаточно многимъ изъ нихъ; вельможи болѣе требовательны“.

Что касается главнѣйшихъ лицъ свиты, то Либуа отдавалъ между ними предпочтеніе Куракину и Шафирову. Такъ какъ о рѣшеніи государя посѣтить Парижъ было французскому послу въ Гагѣ передано Куракинымъ, то камеръ-юнкеру еще инструкціей ему повелѣвалось обращаться, прежде всего, къ Куракину, который, какъ говорилось въ ней, „изъ всѣхъ посланниковъ царя отличается наибольшей вѣжливостью и талантами; намѣренія его всегда были прямы“. И Либуа сообщалъ: „Сознаю, что князь Куракинъ вѣжливъ; какъ кажется, онъ уменъ и склоненъ къ тому, чтобы все шло къ обоюдному удовольствію. Не знаю, по характеру ли, или изъ боязни царя, который, какъ я писалъ, кажется, очень строгъ и крутъ, князь Куракинъ, сколько я могъ замѣтить, относится къ малѣйшимъ бездѣлицамъ съ жаромъ, какъ будто бы дѣло шло о важныхъ предметахъ... Князь Долгоруковъ, кажется, весьма обходительный человѣкъ и очень уважаемъ царемъ; одно неудобство заключается въ томъ, что онъ не понимаетъ рѣшительно никакого языка, кромѣ русскаго... Генерал-лейтенантъ Бутурлинъ весьма цѣнимъ царемъ; онъ немного понимаетъ по-нѣмецки. Совѣтникъ Толстой пользуется довѣріемъ и очень вѣжливъ, онъ говоритъ по-итальянски; адъютантъ и камергеръ Ягузинскій близокъ царю; онъ пользуется всѣми его милостями и довольно учтивъ, любитъ удовольствія и никогда не ложится спать трезвый; кажется, онъ не вмѣшивается въ дѣла, и сказать по правдѣ, все касающееся настоящаго путешествія возложено на князя Куракина. Я ничего не могу сказать объ адъютантѣ камергерѣ Нарышкинѣ; онъ, кажется, незначителенъ во всѣхъ отношеніяхъ; вы лучше меня знаете тайнаго совѣтника доктора Арескина; мнѣ кажется, что онъ имѣлъ сильное желаніе вмѣшиваться во всѣ дѣла и что это ему никогда не удастся“. Макаровъ, Волковъ и Салтыковъ „повидимому, люди незначительные. Гофмаршалъ Алсуфьевъ человѣкъ образованный и пользующійся расположеніемъ царя, но въ этомъ путешествіи онъ совершенно подчиненъ князю Куракину; онъ говоритъ только по-русски и мало по-нѣмецки“. Остерманъ „рѣдко приходитъ къ столу и мало вмѣшивается въ дѣла. Рагузинскій, молодой, легкомысленный человѣкъ, племянникъ Саввы Рагузинскаго... я считаю его человѣкомъ не заслуживающимъ довѣрія... Главный священникъ — товарищъ въ удовольствіяхъ лю-